

Binová, Galina Pavlovna

Русский литературный эрос сквозь призму национального самосознания

In: *Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech*. Pospíšil, Ivo (editor). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2000, pp. [163]-168

ISBN 8021023007

Stable URL (handle):

<https://hdl.handle.net/11222.digilib/132485>

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭРОС СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Galina Bínová (Brno)

Эрос является одним из главных инспираторов и предметов искусства. По Гумилеву, Эрос – это страсть, «пассионарность», без которой не совершается ничего поистине великого. Само понятие «эрос» имеет, как известно, широкий диапазон – от космической побудительной силы духовного восхождения до нюансов индивидуальной любви, эротики и секса. Мы, говоря о проблеме эроса и литературы, будем иметь в виду специфику воплощения, степень откровенности и полноты отражения интимных сторон человеческой жизни.

Проблема эта может рассматриваться как в национальном, так и в историческом аспектах, ибо, с одной стороны, соотношение мужского и женского начал в каждой национальной культуре различно; с другой стороны, динамика и метаморфозы воплощения в литературе душевных и чувственных сторон любви, эротических мотивов зависят от состояния и развития культуры, от степени свободы творчества, от внешних и внутренних запретов. Таким образом, литературный эрос в различных культурах, в различных моделях мира и человека, стилях и нормах бытия индивидуален и своеобразен. Свой вариант национального Эроса, естественно, свойствен и России. Русская традиция считается целомудренной, даже пуританской в изображении любви. Однако русские нравы никогда не были аскетичны. Испокон веков на Руси существовала стихия народного и простонародного эроса, т. е. существовала эротическая культура как таковая, но в то же время существовал строгий запрет на все это. Между эротической культурой России и Запада существовали значительные отличия. Через всю историю русской культуры проходит противоречие между бездуховностью «низкой», натуралистической культуры и бестелесностью «высокой», официальной культуры. Эта оппозиция ощущалась в России гораздо острее, чем на Западе. На Западе главным противником эротического искусства была церковь, в России, во-первых, авторитет церкви был гораздо сильнее, во-вторых, церковь опиралась на государственную власть, которая правила приличия устанавливала и контролировала сверху. В результате в России гораздо позже, чем на Западе, возникло и получило признание рафинированное эротическое

искусство, посредством которого сексуальность могла быть включена в состав «высокой» культуры.

В своем «филогенезе» русская культура прошла этапы жестких сексуальных ограничений, периоды эротического аскетизма. Однако кроме внешней цензуры были и внутренние противоречия русского Эроса. Русское сознание развивалось как бы вовне, то есть ему была необходима реализация в обществе, вплоть до самопожертвования. А самореализация западного сознания происходит внутри – в частной жизни частного человека. В этой системе ценностей эротическая сторона жизни становится важным моментом, зафиксированным сознанием. Отсюда закономерно обостренное внимание западной литературы к этой стороне жизни, ибо литература дает человеку возможность лучше осознать себя и свое положение в мире.

Гораздо большую откровенность и заинтересованность западной литературы темой секса сравнительно с русской Гачев связывает и с природой национального духа. По Гачеву, «сексуальное чувство в России не обладает такой силой и интенсивностью, чтобы весь Эрос мог в нем, хотя бы на время, сосредоточиться... другие виды Эроса: любовь сердца, творческого духа – имеют большой удельный вес в его составе.»¹ Недостаток чувственности у русских здесь объясняется своеобразием природных условий, т.е. климат, по Гачеву, определяет тип психики и сенситивность (вспомним, что у Пушкина в отрывке о белых ночах идет рассуждение на тему: почему в России дурное пространство для любви; оказывается, потому, что зимние ночи слишком холодны, а летние – слишком светлы). Так или иначе, в русской литературе ничтожно мало образов чувственной страсти. В русской классике находим великолепные образы любви. Среди них «наука страсти нежной», солнечный, анакреонтический эротизм Пушкина. По словам Ахматовой, Пушкин создал «язык любовных переживаний», выразил им тончайшие оттенки любовных чувств. Однако в русской литературе особенно отчетливо ощутимо основное противоречие мужской сексуальности, на которое указывал Фрейд: несовместимость чувственности и нежности. Действительно, в галерее классических женских образов доминируют два типа: либо «чистейший прелести чистейшей образец», либо распутница. Идеал – либо невинная девушка, либо заботливая мать, но никогда не любовница. Тургеневских девушек невозможно представить в постели. Сексуальной, т.е. низменной любви, как правило, противостоит возвышенно-одухотворенное чувство к личности или верная супружеская любовь. В. Нарбикова, автор современных эротических романов, отмечает:

---

¹ Гачев, Г.: Русский Эрос. In: Опыты. Литературно-философский сборник. М., Сов. Писатель, 1990, с. 218.

«... в XIX веке русской литературе до тела не было дела, писателей в основном интересовали отношения между душой и Богом, а не между душой и телом.»² Для русского сознания и, соответственно, для литературы эта сторона жизни либо оставалась на обочине, либо проходила преимущественно в форме сублимации. Сублимированные формы секса чрезвычайно развиты в русской литературе. Классический пример такой сублимации – сон Татьяны в «Евгении Онегине». Немало сублимированных сцен найдем у Достоевского. И. Кон видит «в русской привязанности к сублимации секса в творческой деятельности нечто нездорово-одержимое».³⁴ В inferнальном мире Гоголя, как подметил Розанов, все красавицы – ведьмы или утопленницы. Вик. Ерофеев отмечал, что у Гоголя «какое-то инвалидное отношение к основному чувству, или к любви». От раздвоенности чувственности и нежности мучительно страдали русские революционеры-демократы – Белинский, Добролюбов, Чернышевский, разрывавшиеся между ханжеством, порожденным их мирозерцанием и «вульгарной» чувственностью, которую, увы, они не могли в себе преодолеть. Л. Гинзбург в книге «О психологической прозе» убедительно показывает, как безуспешная внутренняя борьба разночинцев превращается в принципиальное – нравственное и эстетическое – осуждение и отрицание всякой чувственности как пошлой и недостойной человека. Естественно, это было и проявление личных психологических комплексов, но и нравственный максимализм, продиктованный их идеологией. Эротика не вписывалась в нормативный канон строгой этики революционеров-демократов. У Толстого высокое нравственное чувство противостоит физиологии. По его мнению, как только из нежности рождается половой порыв, любовь и нежность исчезают, уступая место инстинктам «животных». «Крейцера соната» была по сути дела первым русским произведением с откровенно сексуальным сюжетом, однако секс здесь представлен в резко неприглядном виде. Толстой с отвращением отказывается подчиниться инстинкту, взамен «животной природы брака» предлагая аскетический идеал полного целомудрия. Так что в русской классике поэтична прежде всего неосуществленная любовь. А если и приходит физическое сближение героев, то в классическом произведении оно напоминает схватку полов. У Достоевского страстные проявления неизменно сопровождаются взаимомучительным элементом. Любовь, по Достоевскому, – взаимное истязание и страдание. Толстой в «Анне Карениной» сравнивает половой

---

² Парбикова, В.: Живем в мире абсурда... Московские новости, 1 апреля 1990

³ Кон, И.: Исторические судьбы русского Эроса. In: Секс и эротика в русской традиционной культуре. Сб. статей. М., Ладомир, 1996, с. 15.

⁴ Гинзбург, Л.: О психологической прозе. М., Сов. писатель, 1971.

акт с убийством, стихийным бедствием. Не случайно Бердяев отметил, что «в русской любви есть что-то темное и мучительное, непроедленное и часто уродливое».⁵

Гипертрофия возвышенно-романтического или имманентно-трагического аспекта любовных отношений порождала подозрительное, а нередко откровенно враждебное отношение ко всякой чувственности, однако именно толстовская «Крейцера соната» послужила толчком к осознанию общего кризиса брака и сексуальности. На рубеже столетий, когда произошло ослабление государственного и цензурного контроля, вслед за Толстым в полемику о природе пола и любви включается ряд философов. Вл. Соловьев своей статьей «Смысл любви» (1892) открыл широкую дискуссию. В первые десятилетия XX в. о любви и поле пишется больше, чем за предыдущие несколько столетий. Конечно, русская философия любви была скорее метафизической, чем феноменологической, то есть реабилитировала абстрактный Эрос, часто мистифицируя проблему и одновременно пренебрегая физиологической стороной любви. Сам Бердяев отмечал, что «у Вл. Соловьева... силен Эрос платонический, который направлен на вечную женственность Божью, а не на конкретную женщину.»⁶ Тем не менее концепции и теории русских философов были своеобразным наброском сексуальной революции в России и, несомненно, оказали влияние на художественную практику XX в.

Именно на рубеже веков началось срывание масок с запретной темы. Одним из первых, кто обратил внимание на «проклятые», традиционно замалчиваемые вопросы пола, был В. Розанов. В противоположность христианским идеологам и идеалистическому учению Соловьева он в своей философии и художественном творчестве развил альтернативную линию русского эроса – с проповедью здорового пола, телесной любви. Розанов шел к язычеству, обожествлял плоть, половую любовь как источник жизни, сделал интимный факт частной жизни философским центром человеческого существования. Эротическая проблематика привлекает многих авторов начала века. Назовем хотя бы Ремизова, Сологуба, Замятина, Арцыбашева, Кузмина, Каменского... С большинством их произведений русский читатель смог познакомиться сравнительно недавно. Новая литературная эротика – и в этом было ее освободительное значение – реабилитировала тело и чувственность, хотя издержки и пережесты этого процесса были неизбежны и закономерны. Некоторые произведения были слабы

---

⁵ Бердяев, Н.: Мирозерцание Достоевского. Эрос и личность. In: Философия пола и любви. М., Прометей, 1989, с. 102.

⁶ Бердяев, Н.: Размышление об Эросе из кн. Самопознание. In: Литературно-философский сборник. М., Сов. писатель, 1990, с. 454.

в художественном отношении. Но и полноценные произведения, затрагивавшие эту проблематику, оказывались в атмосфере скандала. Примитивное понимание литературы как учебника жизни приводило к тому, что произведения оценивались не по эстетическим, а социально-педагогическим критериям. Сенсацией стал роман М. Арцыбашева «Санин» (1907, в 1990 г. был в Москве переиздан) – об эротической жизни молодежи начала века. Новизна «Санина» с его проповедью свободы пола и чувственного раскрепощения человека была шокирующей. Арцыбашев отнюдь не мистифицировал проблему пола, а взял ее в непосредственной простоте и наготе. «Разум лжет, а тело говорит правду» – так резюмировал К. Чуковский смысл «Санина». Критика увидела в романе асоциальность и бегство в натурализм. Однако это не была порнография. Арцыбашев утверждал не столько гедонизм, сколько право индивида всегда оставаться самим собой, не ставить предела своим желаниям. Этот «новый человек», индивидуалист и циник, был не очень симпатичен, однако силен. И естественно, индивидуализм приходил в непримиримое противоречие с коллективистской установкой на светлое будущее. Обозначившаяся в начале века «тропка» эротической культуры оборвалась Октябрьской бурей, не успев расширяться. Идеи эти дадут всходы позднее, на исходе нашего столетия. В истории русского эроса начало и конец века во многом пересекаются. Новая чувственность в начале века была реакцией против долгого господства морализаторства и пуританства. Советская же идеология всеми средствами обороняла бастионы целомудрия, эротическое сознание последовательно умалчивалось и подавлялось. На исходе нашего столетия осознание, что эротика – часть человеческой культуры, в том числе книжной, – вернулась в русскую литературу.

Russische Literaturerotik durch das Prisma des nationalen Selbstbewußtseins gesehen

Bei der Erörterung des Problemkreises „Erotik und Literatur“ im Kontext der russischen Literatur entsteht natürlich die Frage des nationalen Selbstbewußtseins – der Nationalpsychologie, -weltauffassung, wobei auch die Ost-West-Problematik hineingezogen werden sollte.

Die erotischen Traditionen haben tiefe Wurzeln sowohl im Westen als auch im Rußland. Im Rußland aber entstand die raffinierte erotische Kunst in Hinsicht auf die inneren und äußeren Gründe viel später. Während ihrer Entwicklung ging die russische erotische Kultur durch die Phasen von harten Einschränkungen bis zum Asketismus.

Im russischen Selbstbewußtsein (und auch in der Literatur) wurde dieser Lebensaspekt entweder verheimlicht oder sublimiert. In der russischen klassischen Literatur überwiegt die Poesie der nicht wirklichen Liebe. Die Hypertrophie der erhaben-geistlichen oder immanent-tragischen Aspekte von Liebesbeziehungen führte nicht selten zu einem feindlichen Verhältnis zur Sinnlichkeit überhaupt.

Diese Situation änderte sich am Anfang des 20. Jahrhunderts, als die erotische Problematik das Interesse vieler Schriftsteller zu sich zog. Gerade zu dieser Zeit erschien die russische erotische Prosa, wobei das Aufblühen der russischen Philosophie der Liebe einen wichtigen Einfluß darauf hatte.

Das Erörtern dieser Problematik hilft uns, auch die Entstehung vom heutigen russischen erotischen Zustand und dessen Abbildung in der Literatur zu begreifen, denn sowohl der Jahrhundertbeginn als auch das Jahrhundertende weisen viele ähnliche Merkmale auf.